

Явился он рано утром прямо с вокзала. Порохня принял его очень радушно и оставил у себя на квартире, сказав, что тут ему будет безопаснее всего на случай его розыска и обещал сегодня же принять все меры и порасспросить у кого возможно, каким способом вручить царю прошение, так как он увидится с депутатами других Войск, которые не откажут ему в своем содействии, ибо их сочувствие на стороне Черноморцев. Действительно, возвратившись из главного управления иррегулярных Войск Порохня об'явил Магеровскому, что имел разговор о его деле и порешили, что это дело довольно трудное и обыкновенным для этого путем едва ли достижимое. Единственное средство — устроить так, чтобы увидеть царя во время прогулки и обратить его внимание на себя, показав сложенную в виде прошения бумагу. Весь вопрос заключается в том, чтобы найти средства и возможность пробраться в царскосельский парк, где в настоящее время находится царь и в известный час совершает прогулку по парку. Ему, т. е. Порохне, обещали сделать разведку по этому делу, а он сам сегодня же отправится в наш гвардейский эскадрон конвоя, чтобы там разузнать кое-что по этому поводу. Разумеется, что на следующий день дело это будет уже достаточно определено. Но во всяком случае нужно горючиться, так как полученные из Ставрополя сведения, которых еще пока нет, могут затормозить и, пожалуй, и совсем помешать всему.

На другой день Порохня возвратившись из управленая, сказал Магеровскому, что из Ставрополя еще никаких сведений нет и что завтра он вместе с Магеровским поедет в Царское село, при чем Магеровскому нужно быть в парадной форме. При этом прибавил, что Магеровскому следует сегодня же собраться к выезду из Петербурга, чтобы, по приезде из Царского села, переодеться в дорожный свой костюм и немедленно отправиться на вокзал и уехать в Екатеринбург, так как по всей вероятности его будут розыскивать. В случае запроса Порохня, скажет, что к нему действительно приезжал племянник, но не офицер, а штатский, и что он уехал из Петербурга накануне появления офицера в Царском Селе.

Каким путем и способом пробрался в парк Царского села Магеровский, осталось тайной, которую он унес с собой в могилу. Когда в 1879 году я спросил об этом Камянского, бывшего гостем в нашем доме, он ответил: Не знаю. Магеровский сказал мне, что он дав чистое слово Порохне никому ничего про него и как не балакать. Каторжный клопец так и змер, ничо-

го не скававши. Як бы був живим, то тепер може що небудь и взнали б, бо давненько це діло було. Та нешасний не винис тієї передраги, що випала на його долю. Він був слабый на груди, а після такої каторжної дороги в осени, як вертанси до дому, ще й простудився, а весною й Богові душу віддав.

В парке же произошло следующее. Согласно приказанию Порохни, Магеровский остановился с боку аллеи, по которой должен был проходить царь. Не более получаса прошло после того, как он занял свое место. На аллее показалась группа из четырех человек, во главе которой на некотором расстоянии шли два конвойных казака. Магеровский, подувствив их шагов на тридцать, взял под козырек, а в левой руке против груди, держал запечатанный пакет с прошением так, чтобы он видел был подходящим. От группы, посредине которой был царь, которого Магеровский сразу узнал, отделился флигель-ад'ютант и скорым шагом подошел к нему. Осведомившись в чем дело, флигель-ад'ютант взял от него пакет, вскрыл его и, развернувши прошение, подал государю, который на ходу просмотрел первую страницу, не читая взглянул на вторую и, свернувши опять, положил его за обшлаг левого рукава, так как в то время, согласно форме, обшлага не пришивались к рукаву. Поровнявшись с Магеровским, царь наклоном головы поздоровался с ним и спросил:

— Тебе известно, что написано в прошении?

— Никак нет, Ваше Им. Вел-во. Я получил запечатанный пакет, с приказанием лично передать Вашему Им. Вел-ву.

— Хорошо. Можешь доложить своему начальству, которое командировало тебя, что ты в точности исполнил его приказание.

Как только группа миновала Магеровского, он сейчас же скорым шагом направился к выходу из парка и, по наущению Порохни, пошел не по тому пути, которым вошел в парк, а по другому. Выйдя из парка, Магеровский поопасался идти на вокзал, а за бешенные деньги нанял парного извозчика, уже к ночи под'ехал к квартире Порохни.

В ту же ночь с последним поездом он выехал в Москву в штатской одежде, но в Твери высадившись и продолжал путь по Волге из опасения, что если будет розыск, то чтобы не перехватили его на почтовом тракте.

Действительно, говорят, на другой или третий день по его выезде, жандармы розыскивали его в Петербурге, но в это время Магеровский был уже далеко от Петербурга.

Санжа Балыков.

О казачьей художественной литературе.

(Донец).

Цель настоящего краткого очерка — затронуть и поспорить, с своей точки зрения, осветить вопрос: существовала ли казачья художественная литература раньше, в условиях общероссийской жизни, помимо (достойного внимания и изучения) казачьего устного творчества — песен — и (строго различая поставленный вопрос о литературе о казачестве) если таковой не было, то в возможных причинах такого явления и, наконец, установить — есть ли чистая казачья литература в наши дни; если есть, — по каким она путям идет, каковы эти пути и, поскольку это допустимо, попытаться предугадать ее возможное будущее.

Для того, чтобы ответить на первый из затронутых вопросов, придется поискать признаки казачьей литературы в составных элементах русской художественной литературы, так как жизнь Казачества, с давних пор и до сегодняшних дней, протекает в общем русле российской жизни. Можно смело утверждать, что поиски эти будут напрасны. В обширной русской литературе особого отдела „Казачьей литературы“ не было: мало того, даже литература о казачестве была весьма не обширна.

Жизнь Казачества, его душа, даже крупные исторические события в его жизни, подчас грозившие ислонизменить судьбу всей России, умышленно или нет, почти не находили отклика в старой русской беллетристической литературе. Самые крупные представители ее старательно брали литературными типами всяких Антонов Горемык, Смердяковых, Петрушек, Мармеладовых, Каратаевых, Макаров, Чудра, Подикушек, Акимов — из народа и Онегиных, Печориных, Плюшкиных, Базаровых, Бевуковых, Саниных — из аристократии, и казачьи типы оставались не тронутыми. Кроме „Казачков“ Л. Толстого, отчасти „Камыганской дочки“ Пушкина, „Тараса Бульбы“ Гоголя и, кажется, „Черного года“ Данилевского, едва ли что можно привести в опровержение этого утверждения.

Несомненно, что упомянутые вещи, особенно первые три, исключительны по качеству, но, из интересного, богатого событиями быта Казачества, можно было бы вычерпать и еще кое-что. После Толстовского „Казачки“, в русской художественной литературе Казачество долгие годы, почти до революции 1917 года, блестятельно отсутствует. Правда лучше Толстого не напи-

шесть, но его „Казачи“ дают картину очень давно прошедшего казачьего быта и при том только незначительной его части — Лицейного Казачества.

События 904—5 годов, в которых Казачество приняло такое активное участие и которые в душу казака вселили много острых переживаний, может быть, впервые заставили его задуматься над вопросом: „кто он такой, почему оказался в такой роли“, в беспристрастной художественной литературе почти также не отражены.

Только последняя революция, в которой Казачеству опять было суждено сыграть такую видную роль (и какую, принимая во внимание казачью порядочность, любовь к порядку, его бережное отношение к созданным трудам человеческих, оно не могло не играть), заставила русских беллетристов обратить усиленное внимание на Казачество, на его быт, на события в его жизни, на его душу.

За последние пять-шесть лет исторические романы, бытовые повести, романы — хроника и рассказы, взятые из жизни Казачества, все умножаются. „Степан Разин“ — Чапыгина, „Пугачев победитель“ — Первухина, „Казачи“ — Наживина, „Фенькин яр“ — М. Молотова, „Куричья коса“ — Магусевича, „Пучина“ — Гладкова и, наконец, интереснейший, еще не законченный, большой роман „Тихий Дон“ — Шолохова и его же „Донские рассказы“ укрепляют мое утверждение.

Но все это — русские писатели о Казачестве, т. е. скорее литература о казачестве, а не казачья литература. А само Казачество, выдвинуло ли оно из своей среды писателей, посвятивших свои силы всецело своему народу, Казачеству?.. Почти что нет, и, таким образом, приходится делать вывод, что у казаков, специально своей казачьей литературы раньше не было. Была у казаков своя интеллигенция, люди интересовавшиеся чистой литературой, были даже и писатели из казаков, но казак интеллигент, тем более писатель, почти всегда физически и духовно отрывался от родной среды и тонул в массе русской интеллигенции, в массе российских писателей, забывал Казачество, делаясь бесполезным для него, начинал писать об Ай-Петри, о величии Императорской России, об Абиссинии, лишь полутно, кое-где, на подсобных ролях выводя казаков. Приятным исключением от этого явления может составить Ф. Крюков, в своих творениях действительно отражавший Казачество со многими его особенностями, и рано умершие Кумов и Краснушкин.

Все это в далеком и недалеком прошлом.

А теперь, в наши дни?..

Я не имею данных судить о литературных попытках казаков в Советской России; даже такой интересный писатель, как Шолохов, пишущий только о казаках, точно не известен, кто — он, казак или нет, но в эмиграции, в этом отношении, среди Казачества наблюдается довольно любопытное и утешительное явление.

Казачья учащаяся молодежь, студенчество преимущественно, как молодые петушки на заре, распелись на разные голоса. И чего и кого только тут нет! Бесчисленные стихи, масса всяких рассказов, былей, исторических легенд, даже посягательства на романы..

И что отрадно, много их, молодых казачьих литераторов, пробующих свои силы; если прибавить сюда присущую казакам их настойчивость, энергию, сочувственную читательскую массу, так влияющую иногда на импульс пишущих и свою казачью печать, поощряющую их попытки, о значении которой излишне говорить, то дело обещает обратиться в серьезное литературное движение.

В этом отношении казаки опять таки лишний раз показали, насколько они духовно различны от русских. Ведь в русской эмиграции, как замечают некоторые их критики, наблюдается литературный застой, старые писатели постепенно сходят со сцены, теряют своих читателей, а появляющиеся молодые силы столь немногочисленны и незначительны, что буквально приходится искать и искусственно выдвигать „таланты“. Я лично думаю, что это не совсем так, таланты молодые и среди русской эмиграции есть, но все же приходится несколько счяться и с указанными заявлениями самих русских авторитетов.

По мнению тех же, это печальное явление — есте-

ственно и неизбежно, ибо, будто-бы, в среде, физически и духовно оторванной от родной почвы, не может возникнуть и развиваться литература. Доводы их за это убедительны, закон, действительно, как-будто, неумолимый; но, Казачество в эмиграции проявляет явную тенденцию не подчиниться этому закону. Видимо, казаки, хотя физически и оторваны от родной почвы, духовно крепко связаны с ней.

В казачьей эмиграции многие пишут, пишут упорно, старательно, и некоторые, по своему, уже недурно. Я умышленно не называю ни имен, ни названий, так как все они, за небольшими исключениями, молоды, только начинают писать и разбирать их произведения, указывать на недостатки одних и достоинства других, предсказывать будущее, устанавливать на каждого твердую цену, было бы рано, опрометчиво; такие указания, обыкновенно, ни к чему хорошему не ведут, а нагадить могут.

Кроме того, очень трудно писать о людях в большинстве лично знакомых, среди которых есть друзья и недруги и потому риск впасть в область необъективных оценок слишком велик. Только время и, как говорят, „беспристрастная история“ литературы, в свое время покажет, что из кого вышло.

Одно только не могу не сказать, что в лице покойного Гончарова молодая казачья литература понесла чувствительную потерю. Он, безусловно, был один из лучших в своей молодой семье, подавал самые розовые надежды. Конечно, как у всякого начинающего молодого, и у него были случаи подражаний, скачки в этих подражаниях, но у него было уже и свое лицо — Гончаровское и несомненно, что из него, в дальнейшем, вышел бы крупный казачий писатель с Казачеством для своего творческого объекта непременно.

В сюжетах молодых наших прозаиков преобладает реализм, старый казачий быт, эпизоды из давно прошедших исторических событий, случаи из революционных годов, в поэзии же — песнопения о героических древних временах, тоска по родине, по утерянной свободе, любовь к своей родине — Казачьи, смелые призывы на борьбу за свое бытие и, там и тут, почти полное отсутствие картинок из быта эмигрантского.

Все это можно объяснить особенностями переживаемого момента. Находясь на чужбине, в условиях, когда душа тоскует по родине, по родным мотивам, трудно писать серые, ненавистные будни эмиграции, с ее мелкой грызней, с толстым разбродом мыслей и целей, с ее горем и нуждой, да и возможность впасть при этом в злободневный фельетонизм бывает неизбежна. Недаром все лучшие истории революции пишутся десятилетия спустя, когда обыватель успевает уже позабыть про нее, а не во время самих революций. Так и наш эмигрантский быт, может быть, найдет свое место в казачьей литературе, когда самой эмиграции уже не будет.

Интересное явление приходится наблюдать среди казачьих писателей в языковом отношении. На мой взгляд, по скольку нет у казаков своего разговорного языка в строгом смысле этого слова (не принимая за язык) некоторые местные особенности казачьего говора не может быть у них и своего особого литературного языка; образцами для молодых казачьих литераторов должны служить лучшие образцы русской классической литературы; однако, некоторые молодые казачьи писатели пытаются создать свой литературный язык, культивируя для этого простонародный казачий говор. Из таких попыток получается нечто неудобное для чтения и не благозвучное для слуха. Эти попытки следует оставить и народный казачий говор употреблять в литературе более осмотрительно, в случаях крайней необходимости. Для того, чтобы создать свое государство, Казачеству вовсе не нужно выдумывать свой литературный язык, тем более русский литературный язык он не только русский, но и общероссийский, создателями его были люди различных кровей и происхождений, язык этот некоторым образом искусственный, в Российском масштабе интернациональный. Ведь большинство лучших русских писателей были не чьего русского происхождения (Державин, Пушкин, Аксаков, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Герцен, Надсон, Куприн,

Зайцев Б. и пр. и пр.); если строго разбираться, то казачий народный говор окажется гораздо ближе к русскому литературному языку, чем говор мужика Пермь-ка, Пензяка или Сибирских окраин, с которым с трудом объяснялся даже Короленко.

Таким образом, я совершенно не вижу оснований отказываться казачьим писателям от русского литературного языка. Особенности казачьих писателей, их национальность будет не в языке, хотя некоторый местный колорит и в нем будет, а во внутреннем содержании их произведений. Казачий писатель будет писать

о казаках, отрицательные и положительные литературные типы будет выискивать из казачьей среды.

Итак, путь молодой казачьей литературы должен быть таков: Средство — русский литературный язык. Содержание — Казачество. Нужно надеяться, что природная способность, заложенная в недрах казачества, при направлении усилий в эту сторону, выдвинет хороших казачьих писателей, которые создадут и казачью литературу.

Некоторые из современных пишущих молодых казаков такую надежду подают.

Ф. Штовхань.

На пароходе.

К годовщине оставления Крыма.

(По дневнику).

Недалеко от города Феодосия, в селе Насылкой, был размещен один из казачьих артиллерийских дивизионов... 30 октября (по ст. ст.) я встречал казаков с радостно-сияющими лицами. Батареиный вахмистр обходил квартиры и объявлял, что завтра выступаем. Куда, еще никто не знал... 31-го рано утром части оставили село и направились в Феодосию. При выходе из город мы увидели неожиданную картину. — Улицы были забиты обозами, торопившая беготня и полный хозяйственный беспорядок. Валялись по улицам разбитые коробки и ящики, как будто недавно с ночевки ушел обоз какой-нибудь большой воинской части. Все тянулось к пристани. Здесь уже открыто говорили о том, что Перекоп сдан, а это значило, что сдан весь Крым. Снова на казаков дохнул ужас. Все стало молчаливым и угрюмым. Только изредка можно было слышать, как то один, то другой „по секрету“ передавали друг другу о тех „новостях“, какие уже не секретно носились в городе.

— Я чув, що Перекоп наші уже здали і кажуть, що будемо грузитися на пароход без коней і орудій. Все кинемо гут.

— А як же тоді? Спримивал его слушающий и с затасанным дыханием ждал ответа.

— Не знаю — отвечал, пожимая плечами, сообщавший неприятную новость.

Подошли к пристани, у которой стоял „Дон“ и „Владимир“. Здесь казакам было объявлено, что они будут садиться на пароход, при чем, с собой разрешалось взять только самые необходимые вещи и съестные продукты дня на три, четыре. Лошадей можно продавать или просто бросать. Седла разрешено было взять с собой.

Тяжело было казаку проститься с конем, а еще тяжелее было при мысли, что он взял его из дому почти последним, так как своих лучших лошадей, казаки уже отвели на побережье Черного моря во время мартовского отступления и при сдаче они пошли, как трофеи победителям...

Подошла и наша очередь садиться на „Владимир“. На палубе толпились казаки, смотревшие по набережной в направлении Итальянской, и один другому говорили:

— Он мій кінь пішов і задумався...

— А мій повернувся. Дивись, йде скди. Йому, мабуть, також хочеться на Кубань...

Я спустился в показанный мне „наш“ трюм. „Владимир“ был уже перегружен. Сверх обыкновенной нормы пассажиров, шесть тысяч, как говорили на пароходе, он уже вместил около десяти тысяч кубанцев. Полно везде и всюду. Нигде не найти свободного места, где бы можно было положить свои вещи. Казалось, что нужно бы высадить оттуда тысячи три людей, тогда бы можно было как-нибудь разместить остальных. Но ходят упорные слухи о том, что на „Владимир“ ожидают еще кубанские кавалерийские части и конная артиллерия.

В том трюме, куда я опустился, располагались казаки; их так много было, что мои глаза не сразу на-

шли своих. На нашу долю выпало так мало места, что приходилось чередоваться на местах. Я пришел почти последним; мне уже нигде было положить свои вещи; пришлось ждать с полчаса пока все уложили свои вещи. В трюме стояла страшная духота и было жарко; табачный дым наполнял его густым и толстым слоем тумана; сквозь который бледными и слабыми потоками пробивались лучи электрической лампочки. Казаки лежали на полу трюма, плотными рядами, но еще не спали. Среди них были такие, которые не могли помириться с печальной действительностью. Они создавали ложные надежды, может быть для самоутешения. Уже говорили о том, что это десант на Кубань, а для того, чтобы закрыть нелогичность этого „десанта без оружия и лошадей“, говорили, что оружие и лошади бросаем с целью, чтобы „отвести“ Крымское население и большевицкую контр-разведку... Что же касается оружия и лошадей, то... это все ждет уже на пароходах в море и будет выдано в свое время. И нашлись такие, что приняли эти слухи за чистую монету. Мне смешно и грустно было видеть такую детскую доверчивость наших казаков. Но они верили в то, что это может быть правдой, даже мне кто-то указал:

— Вот тебе место, ложись. Темновато, но ничего потерпим, долго не будем на пароходе, дня два, три, а там... — Прищурив глаза, придавал выражению лица многозначительный вид.

Я перенес свои вещи и надлежаще уложил их. Попросив соседа никому не уступать моего места, я ушел на палубу. За городом, по направлению Перекопа, слышен был артиллерийский гул, а через некоторое время с правой стороны отозвался и пулемет. В городе показались огни. В это время сзади меня раздался голос: — Жгут казенные склады обмундирования и провианта. Помолчал немного, затем снова тем же глухим голосом:

— Очевидно сегодня будут взрывать и склады на железнодорожной станции со взрывчатыми веществами и снарядами. Почти сейчас же после последнего его слова, с противоположной стороны раздался сильный гул. Затем отдельные прерывистые взрывы, напоминающие артиллерийские залпы. Сила взрывов была настолько велика, что создавалось такое впечатление, будто на том месте провалилась в бесконечность земля и в эту бездну хлынет все Черное море, достиг Феодосия и мошкой мелькнет „Владимир“. Я пришел на другую сторону палубы; прислонился к борту и устремив свои глаза в ту сторону, где виделось кровавое зарево небосклона. Скоро наряд комендантской команды парохода попросил всех сойти в трюм. Опустился и я; это уже было около десяти часов. Большинство казаков уже спало. Не слышно уже было говора. Только отдельные казаки, в полусосвещенном трюме, сидели с полуоткрытыми глазами и печальными лицами. Здесь не было слышно треска пулемета и взрывов, их заглушали ударами о пароход морские волны. Было далеко за полночь; меня одолевала усталость и сон. Я склонился на своего соседа и уснул.

Как долго я спал не знаю, но открыв глаза и уни-